

Едва открылась дверь во внутренний двор, как навстречу хлынул густой аромат трав и растений.

Запах гвоздики, полыни и бесчисленного множества других целебных трав, словно боясь отстать, наполнил воздух, щекоча ноздри.

В этом уголке Долины Персикового Цвета искусственно поддерживался вечный климат весны, температура была идеальной, и многие травы, которые в других местах не росли, здесь оживали и наливались силой.

Будь здесь человек, сведущий в медицине, он бы подпрыгнул от восторга — здесь было множество лекарственных сокровищ, каждое из которых было выращено и взлелеяно учениками Долины Персикового Цвета. Качество их было превосходным, не то что убогие подделки из других мест. Пожалуй, даже дворцовый лекарь, оказавшись он здесь, не удержался бы и попытался прихватить что-нибудь с собой.

— Шиюй, открой дверь в книгохранилище.

Гао Шиюй ответил: «Есть», — развернулся и направился в боковую комнату. Там он достал ключ странной формы.

Щёлк — замок открылся.

Дверь в боковую комнату распахнулась, и внутри открылось совсем иное пространство.

Комната соединялась с главным залом, её высота превышала двадцать чи. Внутри не было ни перегородок, ни этажей — всё пространство было единым. От самого пола поднимались восемнадцатичивые стеллажи из сандалового дерева, плотно уставленные книгами.

В комнате не было лестниц, только с потолка свисали на тонких шёлковых нитях деревянные бруски длиной в несколько цуней. Нити были привязаны ровно к середине брусков, поэтому те висели горизонтально, образуя площадку ровно для одной ступни.

Чтобы добраться до книг на верхних полках, требовалось обладать превосходным мастерством лёгкой поступи.

Шэнь Дуань вошёл в комнату, одним взглядом скользнул по полкам и остановился на книге на самой верхней полке слева.

Он приподнял полу халата, сделал вдох, собрался с силами — Гао Шиюй лишь мельком увидел движение, а когда взгляд сфокусировался, Шэнь Дуань уже парил в воздухе. Кончиком правой ноги он едва коснулся висящего бруска, оттолкнулся и взмыл вверх, подобно внезапно сорвавшейся с места ласточке, устремившейся прямо в поднебесье. Наконец он изящно опустился на самый верхний брусок. Даже позволил себе на мгновение задержаться, пальцы вытащили один бамбуковый свиток, затем он развернулся в воздухе, оторвался от бруска и использовал приём «Падение тысячи цзиней». Полы его простого холщового халата взметнулись, словно крылья пикирующей птицы, движение было стремительным и мощным. В полуметре от земли Шэнь Дуань плавно, словно вода, погасил инерцию, внезапно замедлив падение. Приземление было лёгким и бесшумным, лишь мягкий шлепок — будто он просто сделал шаг вперёд.

Гао Шиюй наблюдал за этим и про себя отметил: чтобы достичь такого уровня мастерства, ему, пожалуй, и десяти лет не хватит.

— Шиюй, подойди. — Шэнь Дуань, только что продемонстрировавший высший пилотаж, вёл себя так, будто ничего особенного не произошло. Отряхнув полы, со свитком в руке он направился к стулу.

Гао Шиюй подошёл и увидел на свитке три крупных иероглифа: «Записи о горах и реках».

Это была книга по географии.

В хранилище Долины Персикового Цвета находились тысячи томов — настоящее безбрежное море книг. Среди них было бесчисленное множество уникальных экземпляров и уцелевших фрагментов древних фолиантов. Гао Шиюй сейчас было шестнадцать, он провёл в Долине семь лет и пользовался особым доверием Главы, ему разрешалось свободно входить в книгохранилище. Но даже он не смог бы прочесть и малой доли этих сокровищ. Одних только медицинских трактатов, качественных руководств и манускриптов по боевым искусствам хватило бы на всю жизнь усердного изучения. Откуда же было взять время и силы на штудирование географических записей?

К тому же эта книга по географии была записана на бамбуковых планках, связанных верёвкой, — значит, ей уже немало лет. С тех пор, как пала предыдущая династия, лишь река Хуанхэ меняла русло трижды. Какое отношение могли иметь те древние записи к нынешним временам?

Видя недоумённый взгляд младшего брата по учёбе, Шэнь Дуань слегка смягчил строгое выражение лица и пояснил:

— Это географические записи. Они охватывают несколько тысяч ли с юга на север, включая земли Центральных равнин, описывают горы, реки, обычаи и нравы. Начали их составлять ещё во времена династии Шан, а завершили лишь при Чжоу. Можно сказать, это самый подробный географический труд. Жаль только, что за долгие годы многое изменилось до неузнаваемости. — Он развязал верёвочное крепление свитка, развернул его на столе и принялся подробно объяснять. Но вдруг резко сменил тему:

— А знаешь ли ты, какое важное событие сейчас будоражит мир боевых искусств?

Гао Шиюй вздрогнул, решив, что это проверка знаний. Сначала он запнулся, от смущения покраснел до ушей и наконец выдавил:

— Убиты Три Вора Божественного Клинка, а сокровище исчезло.

— Хм... Тогда спрошу иначе: известно ли тебе, что именно это за сокровище?

— Ученик не знает. — Гао Шиюй втянул шею, под столом судорожно сжал рукава халата, так что те покрылись складками.

— Не знать — естественно. — Шэнь Дуань немного помолчал, обдумывая, затем спросил:

— В мире боевых искусств каждый день и каждую ночь кто-то умирает, бесчисленные калеки стенают и рыдают у ворот нашей Долины Персикового Цвета, но большинству из них мы отказываем. Если рассуждать беспристрастно, считаешь ли ты, что люди в Долине бессердечны, что они видят смерть и не спешат на помощь?

Гао Шиюй собрался с духом и ответил:

— Ученик полагает, что многие в мире боевых искусств гибнут за правое дело, и такая смерть достойна. Те же, кто гибнет из-за вражды или мести, в большинстве своём пожинаят то, что посеяли. Их судьба трагична, но не вызывает восхищения. У каждого несчастного в этом мире обязательно найдётся своя вина. Ученик считает, что Долина Персикового Цвета лечит и спасает тех, кого стоит спасать. В народе есть поговорка: «Добрыми словами не вразумишь обречённого на смерть черта». Долине лучше потратить силы на лечение простых людей от простуды и хворей, чем принимать тех «героев» рек и озёр, что только и знают, что сражаться, убивать и искать врагов для мести.

— Ты рассуждаешь здраво. Милосердие врача должно быть именно таким.

— Только...

— Только что? Говори смело, не стесняйся.

— Только ученик часто думает: вот если бы существовал способ самым простым образом разом избавить человека от болезней и страданий. Мастер Кунчжу из монастыря Шаолинь всю жизнь творил добро, накапливал заслуги, но в конце концов был сломлен болезнью. Когда послушники разбирали сутры, которые мастер Кунчжу использовал при жизни, они обнаружили его предсмертное желание — выпросить у Неба ещё немного жизни. Мастер Кунчжу был человеком, ушедшим от мира, но желание это — уже нарушение обета нестяжания. И вот есть желание, но нет возможности его осуществить... Поистине, жалок этот человек. Ученик думает: неужели все люди от рождения таковы? Неужели нет в мире вещи, способной исполнить человеческие желания?

— Хорошо сказано. — Шэнь Дуань одобрительно взглянул на него и подхватил нить разговора.

— Если даже такой великий праведник, ушедший от мира, как мастер Кунчжу, тщетно мечтал о долголетию, если даже ты, ученик Долины Персикового Цвета, жаждешь обрести способ исполнять желания, то что уж говорить об обычных людях?

— Неужели... — Глаза Гао Шиюя расширились. — Но разве такая вещь может существовать в мире людей?

— Конечно, может. Это самая завораживающая вещь в мире людей.

(Семь)

— Эй, молодой господин, в путь собираетесь?

Возница хлопотливо возился вокруг крупного гнедого коня с лоснящейся шерстью. На спине у коня было начищенное до блеска седло, украшенное кистями из разноцветных шёлковых нитей.

Тан Юань подошёл и вместе с возницей погладил коня по гриве:

— Да, в столицу. А ты славно за конём ухаживаешь.

— Хе-хе, ещё бы! Конь-то чистокровный, из Давани! — Возница с гордостью выпятил грудь, и растрёпанная борода на его лице затряслась в такт движениям.

— И вправду хорош. Не ожидал, что ты, братец, такой знаток лошадей.

— Знаток не назовусь, просто нравится мне с этими тварями возиться. Я вот до сих пор не

женился, а всё потому, что с конями мне спокойнее, в конюшне и спать сладко. — Возница похлопал гнедого по голове, и улыбка на его лице стала такой широкой, что почти скрылась за бородой. Конь склонил голову и ласково потёрся мордой о плечо хозяина. — В столицу, говорите? Возьмите меня, я ведь ни разу в столице не был.

— Ладно, мне как раз нужен возница. Договоримся с хозяином постоянного двора — и в путь. — Тан Юань получил известие о вызове императора в столицу двумя днями ранее. Но его дядя-император с детства не был с ним близок. Не то что на Праздник середины осени — даже в Новый год того никогда особо не жаловал аудиенциями. Этот неожиданный вызов был похож на удар из-за угла — совершенно непонятно, что он задумал.

— Есть, устраивайтесь поудобнее.

Снаружи раздался залихватский крик возницы, щёлкнул кнут, конь фыркнул, переступил передними копытами и понёс повозку вперёд, грохоча колёсами.

Тан Юань, словно что-то вспомнив, приподнял зелёную холщовую занавеску и крикнул вперёд:

— Братец возница, езжай по большой дороге, не вздумай ради скорости срезать по просёлкам!

— Вас понял! Не извольте беспокоиться.

С этими словами возница вывел повозку на самую середину дороги. Движение, до того немного подбрасывающее, сразу стало плавным. Тан Юань успокоился, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Предыдущей ночью он провёл в мучительных раздумьях, пытаясь вычислить местонахождение той вещи, и это совершенно истощило его душевные силы. Не успев как следует отдохнуть, он получил императорский вызов. Он, конечно, мог бы проигнорировать его, но ведь корни его семьи, сама жизнь его родителей — всё это было в столице, всё сжато в кулаке императора. Отказаться он не мог. Бремя множества забот едва не спровоцировало возвращение старого недуга.

Повозка внутри была убрана красиво и удобно, ехала она неспешно, покачиваясь, а на душе лежал тяжкий груз. Не заметно для себя Тан Юань погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/16265/1463514>